

Научная статья

DOI: 10.17748/2686-8814-2023-5-5-6-28-65

УДК 94/ 355.48(47:55),908

**«... Я ДОЛЖНА ОСТАТЬСЯ МОНАХИНЕЙ ДО СМЕРТИ»:
письма Елены Шамониной тётке Н.Н. Платоновой
(1924-1927)****Виктор Владимирович Митрофанов**

Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС

г. Санкт-Петербург, Россия

ORCID iD: <http://orcid.org/0000-0003-2094-6883>

viktor-n1962@mail.ru

Аннотация. Привлекая новые архивные материалы эпистолярного жанра продолжается рассмотрение жизни и духовных исканий автора – послушницы, затем рясофорной монахини Евфимии, в миру Елены – представительницы дворянского рода Шамониных Нижегородской ветви, любимой племянницы Надежды Николаевны Платоновой. Публикуемые письма во многом впервые позволяют восстановить хронологию основных событий жизни Головинского монастыря после его закрытия, многотрудную борьбу монахинь за сохранение своей организованной жизни. В центре этих событий стояла Елена, избранная председательницей совета сельскохозяйственной артели, которая вскоре была ликвидирована. Многочисленные судебные решения, порой противоречивые, кассационные жалобы, решения прокуратуры, дело дошло даже до ВЦИКа – все это важные события этого противостояния, которые до сих пор были неизвестны. Представлены варианты перемещения бывших насельниц монастыря, в том числе и организованное переселение в национализированную усадьбу или выселение.

Безусловный интерес представляют лаконичные сведения о родных Елены, прежде всего, её матери – Софьи Николаевны, братьях и сестрах, сведения о которых отрывочны и скудны. В полной мере раскрывается любовь и забота Н.Н. Платоновой к своей племяннице и членам её семьи. По письмам можно судить о жизни государства, происходивших в нём политических процессах.

Приняв решение о переезде в село Зеленино, Елена с двумя своими монастырскими сестрами налаживают свой быт, устраивают хозяйство, постепенно вливаются в состав жителей, сохраняя при этом свои духовные устои и продолжая служить Богу. К сожалению, переписка доведена только до конца 1927 г. и на этом сведения о дальнейшей её судьбе обрываются.

Ключевые слова: Н.Н. Платонова, Е. Шамонина, Головинский монастырь, закрытие, уплотнение, выселение, советские и судебные органы, Зеленино, смысл жизни.

Для цитирования: Митрофанов В.В. «... Я должна остаться монахиней до смерти»: письма Елены Шамониной тётке Н.Н. Платоновой (1924-1927) // Культурный ландшафт регионов 2023. Том 5. № 5-6 С. 28-65
DOI: 10.17748/2686-8814-2023-5-5-6-28-65

Original article

"... I MUST REMAIN A NUN UNTIL I DIE": Elena Shamonina's Letters to Aunt N.N. Platonova (1924-1927)

Viktor V. Mitrofanov

University at the Inter-Parliamentary Assembly of the EurAsEC.

Saint Peetersburg, Russian Federation

ORCID iD: <http://orcid.org/0000-0003-2094-6883>

viktor-n1962@mail.ru

Abstract: Attracting new archival materials of the epistolary genre, the examination of the life and spiritual quest of the author – a novice, then a cassock nun Euphemia, in the world of Elena – a representative of the noble family of the Shamonins of the Nizhny Novgorod branch, the beloved niece of Nadezhda Nikolaevna Platonova continues. The published letters in many ways for the first time allow us to restore the chronology of the main events of the life of the Golovinsky monastery after its closure, the hard struggle of the nuns for the preservation of their organized life. At the center of these events was Elena, who was elected chairman of the council of the agricultural artel, which was soon liquidated. Numerous court decisions, sometimes contradictory, cassation appeals, decisions of the prosecutor's office, the case even reached the VTSIK – all these are important events of this confrontation, which have not been known until now, options for the resettlement of former residents of the monastery, including organized resettlement to a nationalized estate or eviction, are presented.

Of absolute interest are concise information about Elena's relatives, first of all, her mother – Sophia Nikolaevna, brothers and sisters, information about which is sketchy and scarce. N.N. Platonova's love and care for her niece and her family members is fully revealed. According to the letters, one can judge the life of the state, the political processes that took place in it. Having made the decision to move to the village of Zelenino, Elena and her two monastic sisters establish their way of life, arrange a household, gradually join the residents, while maintaining their spiritual foundations and continuing to serve God. Unfortunately, the correspondence was brought only to the end of 1927, and this is where the information about its further fate ends.

Keywords: N.N. Platonova, E. Shamonina, Golovinsky Monastery, closure, consolidation, eviction, Soviet and judicial authorities, Zelenino, the meaning of life.

For citation: Mitrofanov V.V. "... I must remain a nun until i die": Elena Shamonina's Letters to Aunt N.N. Platonova (1924-1927). *Cultural landscape of the regions*. 2023. Vol. 5. №5-6. P. 28-65 (In Russ.).

DOI: 10.17748/2686-8814-2023-5-5-6-28-65

Введение

Многочисленные монастыри в советские годы [1] претерпели катастрофические беды: кампанию по вскрытию мощей, реквизицию ценностей, помещений, имущества [2], запрет на регистрацию религиозных организаций в качестве хозяйственных объединений, выселение монашествующих, аресты и даже расстрелы. Тема активно разрабатывается, вовлекаются в научный оборот многочисленные архивные материалы [3].

Период преобразования монастырских общин в сельскохозяйственные артели и коммуны показал определённую их жизнеспособность и быстрое приспособление к новым условиям. Трудолюбивые насельницы, преодолевая трудности, учитывая реалии политической и экономической жизни, организовывали свои хозяйства и вели их добросовестно, порой добивались успехов и обеспечивали себе достойное существование и продуктовый достаток. Однако, властям эти достижения были чужды, поэтому гонения упорно продолжались, вплоть до закрытия и уничтожения, т. е. разрушения самих зданий [4; 5]. В 1920-е годы этот процесс стал повсеместным, всеобщим и особенно жестоким. Политика была направлена против монахов, как особой социальной группы, которой не отводилось места в советском обществе.

С.Ф. Платонову и его жене Надежде Николаевне такая ситуация была знакома и по письмам бывшей слушательницы Женского педагогического института Л.А. Михайловой [6].

Завершающая часть эпистолярной племянницы Надежды Николаевны охватывает период с 1924 г. по конец 1927 г. Она включает 6 писем из архивного дела №6098 и 17 писем и одной телеграммы из дела № 6099 [7].

Новое исследование о монастыре

Ценность названного эпистолярного источника определяется, прежде всего, тем, что многие факты и сведения о жизни Головинского монастыря, предпринимавших там шагах по сохранению монашеской общины в любой разрешенной форме, а затем и закрытия, становятся известны впервые. Это тем более важно на фоне недавно вышедшей книги [8] по истории монастыря. Труд является логическим продолжением первого «Описания» [9], о чём свидетельствует и почти идентичное название, и включение последнего в виде приложения в новое исследование. Оно очень любопытно, автор с привлечением многочисленных архивных материалов воссоздает историю монастыря в XX в. Немало страниц персонифицировано и посвящено настоятельницам, священникам, монахиням, в том числе подвергшимся гонениям и арестованным. Это обстоятельство является ценным, В.А. Лёвушкину удалось создать «Описание» живым и трагическим одновременно. Однако, небольшое количество фактов и сведений не позволило автору в полной мере проследить хронологию борьбы насельниц за сохранение монастыря, затем артели в 1920-е гг. К сожалению, имя Елены Шамониной в книге не обнаружено, хотя указаны десятки других. Но, как видно из писем, она принимала непосредственное участие во всех событиях тех лет, как одна из самых образованных монахинь, активно взаимодействовала с советскими и судебными инстанциями. Становится понятно, что монастырь имел своих заинтересованных покровителей, которые оказывали всестороннюю помощь в хлопотах и выступали заступниками в различных инстанциях. Здесь же мы находим и ответ на вопрос, поставленный Н.Н. Платоновой в письме от 26 декабря 1911 г.: «найдешь ли ты в монастыре полное успокоение своей душе» [10, с. 92]. Духовный поиск Елены продолжался постоянно, это видно из писем, окончательное убеждение в правоте выбранного пути находим в словах её мартовского письма 1925 г., которые вынесены в заголовок настоящей публикации.

Борьба за сохранение монашеской общины и её разгон. Зеленино

Ряд вопросов, оставшихся за страницами упомянутой книги, и заметим - это не является её недостатком, относящиеся к середине 1920 г., помогают раскрыть публикуемые эпистолярные. Они же позволяют проследить и варианты развития событий, которые предполагались Еленой в отношении монахинь. Они сформулированы в мартовском письме 1924 г. Здесь же рассматриваются и возможные

дальнейшие пути жизни самой Елены. Причисляя себя к категории «бедноты»¹ (вспомним, что она представительница дворянского рода Шамониных, ставших беспоместными), она отвергает саму возможность возвращения в Нижний, т. е. к матери и даже не думает об этом «ужасе», в другом письме читаем, что она ехать туда «никак не хочет», Нижний для неё «закрит из-за новой родни». Для Елены настоящая семья — это её сестры по монастырю. Строятся планы устройства, с учётом не быть в тягость родне, самой себя обеспечивать всем необходимым и, главное, сохранить устоявшийся образ жизни, продолжать служить Богу, сохранить свой костюм - облачение.

Рассматривался и вариант переезда на время в Ленинград к Платоновым, на что было получено согласие. Группа монашек звала Елену переселиться в одну из деревень недалеко от Москвы.

Неопределённость в завтрашнем дне выбивала из колеи, но при этом среди монахинь не было паники, были слёзы и оставалась надежда на Бога, который распорядится, как ему угодно будет. Но неожиданный поворот - власть заключила с насельницами договор на 9 лет с правом пользоваться строениями и имуществом, правда вскоре он был расторгнут.

В 1924 г. было два письма, затем перерыв в переписке с апреля до января следующего года. В это время как раз решалась судьба монастыря. Елена сообщает хронологию событий, что очень важно для восстановления правдивой картины жизни монахинь перед окончательным разгоном и выселением из помещений бывшего монастыря. В 1924 г. монахинь уплотнили, из 11 жилых зданий бывшего теперь уже монастыря 8 передали под общежития для рабочих двух фабрик (Петра Алексеева и Дегуниной) и студентов Тимирязевской академии.

Были суды, кассационная жалоба, приостановка решения суда, губернский, затем народный суды, жалобы в прокуратуру. Эти чрезвычайно важные сведения Елена излагает в январском письме 1925 г. Дело о бывшем монастыре осенью 1925 г. дошло до ВЦИКа. Серьёзную помощь в этом оказывали покровители, кто они - не ясно, хотя в одном письме назван поверенный монахинь Николай Андрианович. Доброжелатели вели дело профессионально («юристы о наше дело головы сломали»), пользуясь разного рода пробелами в праве и смогли добиться того, что выселение было отложено. Сама Елена много занималась делами, посещала разные судебные и советские инстанции, обратилась к чтению отдельных брошюр по праву. Вспомнила в этой связи и своего отца – бывшего в своё время на выборных должностях в судебных органах. Компромиссом мог быть переезд в предложенное властями большое имение. Оно было национализировано и уже разграблено, а земля вся роздана соседним крестьянам. Поэтому жить там большому количеству монахинь было невозможно. После осмотра хозяйства, по сути пустых строений, которых было много, было принято решение: отказаться от переселения.

¹ Здесь и далее курсивы в кавычках – не оговариваются, т. к. являются выдержками из публикуемых писем.

Елена приводит интересные факты о численности монахинь – 42 мантийных, 111 послушниц и рясофорных и деления их на группы. Волей судьбы Елена была выбрана председателем совета артели. Но она считала себя руководителем формальным, главной же она по-прежнему продолжала видеть игуменью Евгению. Хозяйство монастыря включало коров, лошадей, инвентарь. Время называется *«бесправным»*, а насельницы монастыря оказались *«вне закона»*. В этой связи важны рассуждения Елены о суде, как институте, который защищает *«интересы господствующего класса против других»*.

Выселение все же произошло, и монахини разошлись по имеющимся у каждой возможностям. Елена с двумя сестрами решили переехать в Зеленино в конце 1925 г. Однако, Елене по общественным делам пришлось ещё задержаться, потом она навестила тётю в Ленинграде и приехала в деревню уже весной 1926 г. Описание нового места жительства и окрестностей имеется в мартовском письме этого года. Начинается новый этап жизни: прописка, обзаведение хозяйством (куры, число которых увеличивалось, затем корова), работа на заказ – стегать одеяла. По деревенскому уровню бытовые условия оказались хорошими. В духовной жизни сохранялся мир монастыря: молитвы, чтение религиозных книг.

Сведения о родных и близких

Большую радость, как и прежде, доставляли Елене письма от любимой тёти и двоюродных сестер из Ленинграда. Надежда Николаевна посылала и небольшие бандероли. Здоровье её становилось все хуже, она постепенно отходила от домашних дел.

Порой получала письма и из-за границы от двоюродной сестры Надежды (Платоновой) Краевич. А матери, о чём она писала дочери, в Нижний Новгород из США от сына Юрия приходили даже денежные переводы в долларах. В рамках НЭПа это было возможно.

Весной и в декабре 1926 г. Елена была в Москве, встречалась с матушкой, посетила врача.

Важная тема переписки - это её семья и реже другие родственники. Елена напомнила тете о её планах написать *«хронику нашего рода»*. Замечательный, ранее не известный факт творческих планов Надежды Николаевны. К сожалению, этих материалов пока не выявлено, если они вообще имели место быть. Хотя сведения собирались и хранились в семье Платоновых. Небольшой материал о семье Платоновых, отношениях между родителями, характере детей находим в замечательных воспоминаниях С.А. Зерновой, назвавшей семью *«выдающейся и трудной»* [11, с. 96-97].

На фоне скудных сведений, письма Елены являются важным источником о жизни матери, сестер и братьев. В монастырь в 1924 г. приезжала самая младшая сестра её Соня – образец молодёжи, эмансипированной революцией: курит, имеет свободное мнение о семейных устоях, отрицает христианские ценности этого института, при этом любит трудиться, в том числе заниматься физическим трудом: косила, возила навоз и сено.

Были и другие посещения родных. Дочь Платоновых Вера с маленькой дочерью навестила свою двоюродную сестру в начале 1924 г. Случайной была и встреча с С.Ф. Платоновым осенью в 1925 г. в Москве, к сожалению, подробности Елена не сообщает. Да это и понятно, Надежда Николаевна знала их из его рассказа. Мимолётная была встреча с женой умершего в Москве дяди Серёжи – Олимпиадой Николаевной. Летом этого же года заезжала подруга сестры Сони и передала письмо от матери и сестры. Там содержались новости о жизни семьи в Нижнем, который Елена все же посетила в одну поездку по монастырям Нижегородчины дважды - 27/VI-19/VII и 26/VII-12/VIII. Рада была встрече с Катей, у которой уже был сынишка. Вскоре она переехала в Симбирск по назначению. В это же время Елена побывала и молилась в храмах Сарова, а потом прожила в Москве 3 недели.

В письмах редко, но упоминается т. Зина, эти лаконичные сведения о бывшей владелице частной мужской гимназии [11, с. 96-97; 12] позволяют говорить о её стеснённом финансовом положении. По протекции С.Ф. Платонова, вскоре она переедет в Ленинград, будет служить научным сотрудником II разряда Музея палеографии АН СССР под руководством академика Н.П. Лихачёва [13, с. 8].

Примечательно, что интеллектуальный труд Елена продолжает - на протяжении 5 лет занимается с мальчиком, в том числе по арифметике, геометрии, французскому языку. Хорошая база знаний, полученная в Мариинском институте, применяется, хотя и в ограниченном масштабе.

Упомянут П.Г. Васенко – один из самых близких учеников С.Ф. Платонова, известный исследователь Смуты, археограф, испытавший финансовую катастрофу в 1920-х годах и живший с большой семьёй - 8 человек - в нищете [14].

Интересный факт упомянут в январском письме 1925 г.: Елена пишет о себе, как инвалиде. Что это значит, пока неясно. Вероятно, у неё с рождения была какая-то аномалия в физическом состоянии или приобретённая форма заболевания сердца и легких.

Заключение

Переписка оканчивается в конце 1927 г., а через полгода Надежда Николаевна уйдет в мир иной. Судьба же Елены остается пока неизвестной. Её земной путь оказался сложным поиском смысла жизни. Получив хорошее образование,

она увлеклась религиозными идеями, большую роль в выборе монастырского служения оказал духовный наставник Варсонофий. Сложности материального положения семьи, где было ещё 5 детей младшего возраста и желание помочь матери способствовали откладыванию решенного вопроса - уход из мира. В 1912 г. Елена стала послушницей Головинского Казанского монастыря, где и принимает рясофорный постриг. Революционные события и установление новой власти нарушают устоявшийся образ жизни. Начинаются гонения на монастыри, что приводит к их закрытию, Елена с двумя сестрами переезжает в Зеленино, где и налаживают свой быт и жизнь.

Большой пласт переписки с Надеждой Николаевной позволяет существенно дополнить уже известные страницы истории монастыря, прежде всего, в период преобразования и закрытия. Сама Елена предстаёт глубоко верующей, прошедшей через годы послушничества, утвердившейся в своём предназначении – служить Богу.

Письма позволяют наполнить нереализованный план Надежды Николаевны Платоновой - написать историю рода. Этому же служат и письма Н.Н. Платоновой от С.Н. Шамониной [15;16] (мать Елены). Отношения между представителями Нижегородской и Петербургской ветвями были доверительными и взаимными, наполнены любовью и заботой.

Нумерация писем продолжает предыдущую публикацию. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. На письмах под № 66-74 проставлен знак +, символизирующий Крест и указывающий на благословление написания письма и принадлежность к монашеству.

Тексты на конвертах опущены, кроме специально оговоренных в ссылках. Письма публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации.

ПРИЛОЖЕНИЕ**Письма Е. Шамониной тётке Н.Н. Платоновой (1924-1927 гг.)****№57***Москва. 12/25 -III- [19]24 г.*

Милая тетя Надя!

Очень я обрадовалась твоему письму, а незадолго до него была у меня Верочка с Татусей¹ и застали меня за очень грустным занятием: уничтожением дневников, писем и пр[очее]. Хотя, пока у нас ничего не было, но жалеть об этом не приходится, т[а]к[ак] не сегодня-завтра нам предстоит, кажется, выселяться. Если обстоятельства не изменяться, то нам здесь не жить. Землю забирают соседи – крестьяне, хозяйство и дома – фабрика. Здесь несколько вариантов того, что с нами будет: 1) один из корпусов продается старым и больным, а молодых всех вон; 2) старых, больных в советскую богадельню, а молодых оставят работать здесь, но в качестве наемных рабочих; 3) всю артель целиком переведут в какой-нибудь совхоз подальше от Москвы и там предоставят пускать корни. Последнее, кажется, наименее страшным: все-таки мы останемся по-прежнему семьей, со своими старшими – только работать много придется, но это уж не беда – Бог поможет. В случае же если нас отсюда выселят и никакого места всем вместе не дадут, придется каждой устраиваться кто как может. Крестьянки, у кого есть «родина», т. е. свой дом и земельный надел, могут направиться туда. Ну, а бедноте, вроде меня, куда деваться? В Нижний ехать – без ужаса подумать не могу. Маму очень жалко, но там ей всё равно не поможешь. А Сонечка – это вовсе что-то несчастное. Я прекрасно понимаю, что тебе было страшно её взять. И я вот что скажу: это существо, которое надо начать воспитывать сначала: она не умеет ни вымыться, ни причесаться, ни держать себя с людьми. Это что-то очень милое, но резкое, невыдержанное, и, по-моему, истеричное. Курит и без табаку жить не может. Жалуется на тоску, хандру, лежит целыми днями, а то не удержишь. Ездит на лошадях, гребёт сено, возит навоз, бегают, хохочет, дурачится, а потом в церкви целые службы плачет о том, зачем замуж пошла. Это что-то ужасно болезненное, но дома такой бедлам, что изменить что-либо невозможно. И никакого понятия о том, что можно, а чего нельзя или, м[ожет] б[ыть], совершенно другое понятие об этом. У меня голова не вмещала всех этих перемен: Ванька, Танька, Гранька, Володька, Митя, Сонька, Шурка... и без конца и все это крутится, влюбляется, сходится, расходится – и так и надо, по их понятиям. О том, что жена должна любить мужа и только мужа – я пробовала заикнуться – но это звучит так чуть не у всех

¹ Дочь и внучка Платоновых.

наших диким диссонансом с её разговорами, что ничего из этого не выходит. Хотелось ей остаться здесь, но не вступать в наше число, а ... так пожить... Ей очень нравится физический труд, и она быстро сошлась с нашей молодежью. Везла навоз, косила - косу сломала, навивала воза с сеном, принимала его на сеновале. И когда мама вызвала её в Нижний, она так ужасно плакала на шее у всех наших, начиная с Матушки, что у меня всю душу перевернула.

Теперь нас уплотнили. Не сегодня-завтра совсем выпроводят. Куда мне направиться? Кое-кто манит меня таким планом: втроем - вчетвером оправиться в деревню, где у одной из нашей компании есть дом пустой. И устроиться там кучкой: там есть небольшой огород, заняться им, рукоделием и пр[очее] и жить, ожидая лучших времен. Меня эта компания очень зовёт с собой. Мне немного страшно, что там за 60 в[ёрст] от Москвы и за 15 в[ёрст] от станции жел[езной] дор[оги] мне не найти заработка по своей специальности и силам, а физическим трудом, особенно теперь, мне много не заработать. Всегда будет казаться, что живешь за их счет – а это тяжело. Вот мне было и пришло в голову: что бы Вы сказали, если бы я явилась к Вам? Хотя бы на время? Я так устала постоянно чувствовать себя вне закона, пугаться каждого портфеля, кожаной куртки, так хочется немного передохнуть, прежде чем опять начинать какое-то новое существование. И, когда думала о Вас, мне немножко было жутко подумать о шумном и веселом обществе, с каким я встречалась у Вас когда-то. Твое письмо многое мне осветило иначе. Ты и Катерина – я могла бы даже быть полезной вам обоим: просто по лестнице сбежать вместо вас. И мне такое общество не страшно. Но Верочка мне рассказала о маленькой просьбе относительно Сонечки – и мне пришло в голову: что бы мне сказали ты и С[ергей] Ф[ёдорович], если бы я попросила позволения приехать к Вам в случае если у меня здесь отнимут угол? Нужно мне немного, потребности у меня скромные, и работать я могу. Правда, если говорить о работе, встанет ещё вопрос: мне жалко снять свой костюм, а в нём не поступить на службу. Остаётся или рукоделье дома, или домашняя работа вроде переписки, корректур и пр[очее]. Всё это почти не осуществимо, кажется. Но м[ожет] б[ыть] нашелся бы какой-н[и]б[удь] частный урок или другой заработок, при котором я могла бы добыть денег на несколько фунтов крупы, на масло и картошку, а одеться пока у меня есть во что, и хватит на год, а м[ожет] б[ыть] и дольше. Видишь ли, если мне придётся поселиться в миру, то прижиться около Вас мне не менее страшно. Но насколько тяжела будет эта обуза для Вас?¹ Словом, если бы мне пришлось искать себе приюта, можно ли мне приехать хотя бы на время к Вам?

¹ Далее зачеркнуто- кажется, мне, что.

В Москве квартирный вопрос обстоит так, что не найдёшь ни угла свободного¹. Ты спрашиваешь о моём «плеврите». По-моему, его и не было, а просто я за эти годы очень устала и осенью легкие сдали. Находили туберкулёз, но как-то мудро – туберкулёз – де, но еще далеко не чахотку. Я-то думаю, что под 40 лет от чахотки не умирают, т[ак] ч[то] это только одни разговоры. Сейчас у меня нет почти кашля, нет пота, а маленький жар (не выше 37, 3) обратился в привычку. Сейчас пост, но в пределах его у меня есть все, что мне нужно, т[ак] к[ак] прошлая служба в санатории дала мне возможность уберечь кое-что. У меня есть и крупы, и постное масло, и картошка, и белая мука, и сахар, и какао, и чай, так что я вполне сыта.

Ах, вот еще что. Бедная т. Зина², оказывается, терпит нужду в деньгах. Не передашь ли ты ей вот что. Она когда-то отдала нам в рукодельную материал для панталон: материю и шитье. Я не помню, как это вышло: кажется, сначала наши хотели шить, да образца не было, а образец она прислала – рукодельня закрылась. Словом, мне с год или с 1 ½ тому назад этот материал отдали, и он у меня. Спросить бы тетю, что с ним сделать? М[ожет] б[ыть] будет оказия и ей его переслать в П[етер]б[ург]? Или здесь продать и выслать ей деньги? Хорошо бы получить ответ на этот вопрос, а то в случае переселения, пожалуй, запутаешься со своим тряпьем, и её куда-н[и]б[удь] запихнёшь.

Если бы ни страхи, ни разговоры, ни эти постоянные приготовления к какой-то грядущей беде, то всё было бы хорошо. У меня сейчас есть ученик, сын нашей женщины врача из санатория. Я его взяла 7-летним, а сейчас ему 12 лет. Кончаем арифметику, проходим геометрию. Занимаемся по-французски. Умный, хороший мальчик. Если доживём до весны, сдам его во 2-ую ступень. И жутко отдавать: привыкла к нему. Да что-то Бог даст. Доброжелатели-то наши озабочены не дать и не запретить Пасху, но что судит о нас Бог – неизвестно.

Прости, тётенька, за это письмо. Взбудоражены мы все – такое и письмо моё вышло. Хотя в глубине души такое сознание живёт: если действительно, живя здесь, мы служим Богу и готовимся к вечности. Он нас здесь оставит. А пошлет на иные пути – значит так больше пользы, больше чистки для души, больше крепости для духа. Что Богу угодно, то и да будет. Крепко тебя целую.

Дай Бог сил Наташе!³ Поклонись от меня Сергею Федоровичу, а Миша⁴ меня, наверное, не помнит.

Елена.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6098. Л.41-44 об.

¹ Далее предложение зачеркнуто.

² Родная сестра Н.Н. Платоновой.

³ Дочь Платоновых.

⁴ Сын Платоновых.

№ 58

Милая тётя Надя!

Большое-большое тебе спасибо за письмо твоё. Мне страшно было его распечатывать, если бы там содержался отказ, было бы очень больно. Этого не случилось и за это большое, большое вам спасибо.

Теперь о наших делах. С нами заключили нотариальный договор на 9 лет на право пользования нашим хозяйством, т. е. землёй, зданиями, инвентарём¹. Около месяца тому назад была тенденция с монаст[ырскими] артелями договоров не заключать. Под влиянием чего произошла перемена - неизвестно. Но во всяком случае, теперь как будет, на законном основании нас уничтожить нельзя. Потребуется новый декрет, аннулирующий силу нотар[иального] договора. Поэтому хочется надеяться, что лето мы проживём. Земля просыхает, скоро начнётся пахота. За эти годы я так привыкла к природе, что не знаю, как бы рассталась с деревней. Милостью Божией пока это не требуется. Что же касается до заработка, то мне кажется, я находилась бы в условиях лучших, чем хотя бы Плат[он] Григ[орьевич]² или тетя. Знаешь ли, чем я живу сейчас? Вяжу крючком и бумаж[ные] салфетки, и кружева на заказ. Правда у меня мало времени для работы: артельное производство всё усложняется, много приходится писать, и в связи с обстоятельствами нынешней весны - ещё больше ездить. Так что я работаю урывками, но и этого мне хватает. Маленький, грошовый частный урок, немудреное рукоделие – и мне довольно. Ведь это совсем не то, чем когда надо содержать семью. Но пока мы в своем гнезде, а мне новых путей искать не надо. По правде говоря, жутко их искать, тетечка!

Материю т. Зины я свезла к Верочке. Я там была 13-го, ожидая, что приедет С[ергей] Ф[ёдорович] – к сожалению, его поездка в Москву не состоялась. Теперь о поручении тётином касательно семейных реликвий. Тётечка, как ты себе представляешь, что я с ними должна сделать. Мы втроём толковали об этом. Приеду я к И[лье] П[етрови]чу³. Допустим, что он меня не спустит сразу с лестницы и разрешит мне забрать образа, вынуть из рамок карточки и группы, отдаст облачение священника и диякона. Ведь это наберётся воз вещей. Нанять извозчика? Но куда ехать? К Верочке? У неё такая теснота, что ей приходится лавировать между своими вещами и только при большой аккуратности можно ходить по их квартире, не натыкаясь ни на что. Ко мне? Но, во-первых, извозчик червонца не возьмёт,

¹ Далее Это значит, по-моему, что - зачёркнуто.

² Васенко Платон Григорьевич (1874-1942) — русский историк, археограф, педагог, профессор, представитель петербургской исторической школы. в советское время — учёный хранитель рукописного отдела Библиотеки АН СССР, член Археографической комиссии; один из учеников академика С.Ф. Платонова.

³ Личность не установлена.

чтобы везти вещи от Яузской больницы ко мне, за 12 вёрст от Москвы, а во-вторых, я сейчас уже живу не просторно и не могу поручиться, что завтра не начнутся разговоры о выселении. У меня самой много образов, книг, бумаг и я представить не могу, куда это всё дену, если мне придётся уехать отсюда. Как же я ещё чужих вещей натащу сюда? Спрашивала я Матушку – она не берётся взять на хранение ни тётини образа, ни облачение. Мы сильно уплотнены и еле хватает места для церковных вещей.

Всё это я пишу не для т. Зины¹, которая может принять эти мои строки за отказ исполнить её просьбу. Но мне хотелось бы, чтобы ты мне сказала, чтобы ты с С[ергеем] Ф[ёдоровичем] думали об исполнении этого поручения? Главное, куда девать вещи? И какую сумму на это расходовать? У меня денег нет (таких больших и лишних). Брать у Верочки – не нахожу возможным и заикнуться об этом. А главное – куда их везти, эти семейные реликвии? И где их хранить? Если придумаешь что-н[и]б[удь] – научи меня, что можно сделать, чтобы успокоить тётю.

Из Нижн[его] с октября не имею известий. К Рождеству писала – ответа нет. Или там очень плохо, или слишком хорошо, т[ак] ч[то] не до писем.

Может к Пасхе напишут. Мне писать это время не хотелось. Писать о погоде, когда мы висим на ниточке – досадно. А о настоящем положении вещей сообщать не хотелось. Соня мне говорила, что такие же страхи наши в прошлом году вызвали радость у мамы: слава Богу, их разгонят, и приедет! А я вот туда никак ехать не хочу. Так нечего их и радовать было своим горем. Стало тепло. Появились комары, сегодня к нам в коридор залетела птичка, лягушки прыгают по дороге. Пришла весна. Снег сошёл. Сухо. И дышать стало легче, словно и сил прибавилось, хотя пост на исходе и должен был бы утомить. Хочется думать, что Пасху мы встретим в своей семье, по-хорошему. А там, что Бог даст. Поздравляю Вас всех с приближающимися светлыми днями. Когда в светлую ночь начнётся христосование, пошлю Вам всем свое «Христос Воскресе!» Как Наташа? Дай Бог, чтобы там все было хорошо к празднику!

Целую крепко тебя, тетечка, и сестер. Сергею Ф[ёдоровичу] привет мой. Может и удастся мне увидеть его, когда он приедет после Пасхи. Простите, будьте здоровы. Еще раз большое спасибо за письмо.

Елена.

Казанский 20/4 -IV-1924 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6098. Л.46–49.

¹ Подчёркнуто в ркп.

№ 59

Казанский. 5/18-I-[19]25 г.

Милая тетечка!

Спасибо тебе большое за твое письмо, за то, что Ваш дом я могу считать своим домом. Это очень много значит в трудное время. А мы теперь как раз такое время переживаем. Моя надежда отдохнуть месяц-другой не оправдалась. 15/XI вынесено первое решение суда, 1/XII – оно приостановлено до рассмотрения Кассац[ионной] жалобы, 10/XII пришли отнимать у нас хозяйство на основании первого решения, и мы чуть ли не до кровавого пота гоняли по Москве из суда в суд, оттуда к суд[ебному] исполнителю, пока добились того, что нам выдали бумажку о приостановлении. А 22/XII уже наше дело слушалось в Губсуде. Я доглядела в канцелярии, что №№ очередных дел начиналось с цифры 6000, 7000, а наше 10269 - на 3000 оно опередило своих сверстников, вот как стараются наши друзья. Определение Губсуда: аннулирование устава правильно; раз аннулирован устав, является аннулированной и артель; поэтому переселение артели в Москву в полном составе, как уже не существующей, невозможно. Из дела выяснилось, что в числе членов артели были лица, имеющие и не имеющие избирательные права. Вторые, как не имеющие права на площадь, подлежат выселению, первые, как трудящиеся, выселены быть не могут. Дело возвращается в Нарсуд для доследования, кто именно персонально подлежит вселению. Не имеют права мантийные монахини – их у нас 42. Имеют право послушницы и рясофорные – нас 111. Наш план: мы 111 чел[овек] оставляем 42-х на своей площади. Сделали собрание исключить не правомочных членов. Переизбрали совет. За выходом из членов артели Матушки и других монахинь пришлось председателем избрать меня. Спрашивают меня сестры, что будет дальше. Говорю - большевикам нужно мое председательство, пусть будет так. Но с игуменьи игуменство не снято и с послушницы послушание не снято. Значит, внутри я по-прежнему послушница и ни шагу, ни мысли без её совета не могу себе позволить. Пошли мы хлопотать о перерегистрации артели и об оставлении за нами нашего хозяйства. Нет! «Сначала закончите ликвидацию старой, все материалы сдайте, тогда хлопочите о новой». А другой отдел спешным порядком приступил к приему от нас «государственного имущества», т. е. нашего скота, лошадей, мертвого инвентаря. Я прошу ускорить регистрацию - нет: сначала ликвидируйте старую артель. Говорю: пока мы канителиться, все хозяйство будет разрушено. Вот и прекрасно! Нам надо все старое ломать, а новое создавать.

Дома стон стоит: старухи плачут: куда деваться, кому мы нужны... молодые не отстают от старух. Именно в нынешнее бесправное время одинокой, отвыкшей от мира девушке страшно оказаться выкинутой в житейское море. Да и денег ни у кого нет... и насиженное гнездо жаль. Когда я, меньше многих здесь прожившая, почти всё время имевшая дело с миром, не могу удержаться и не плакать, а другим-то каково? Началась борьба из-за хозяйства. Ходили к нам неделю

– мы все отмахивались. В сочельник пришли с милицией. Пришлось подчиниться. Но акт передачи мы подписать отказались. Теперь поднялись алчущие получить нашу землю. Крестьяне, волость, крест[ьянский] Совет – все хотят здесь хозяйничать. Сегодня была здесь комиссия. Все осмотрела. Что решит - неизвестно. А нам во вторник 20-го идти за расчетом в МОЗО¹. Теперь придется опять от подписи отказаться. А как трудно спорить, бороться. У меня уже в душе шевелилась не раз малодушная мысль: уж кончали бы разом, что ли. А то берут измором. Отняли коров, молоко нам не дают. Лошадью пользоваться нельзя. Обещали ускорить суд, чтобы выселили монахинь. «А к ним и еще кое-кого добавят» - слышу стороной, что хотят, чтобы раскассировать весь наш коллектив, выселить предварительно. Трех: Матушку, Казначею и... сестру Елену. Их - как монахинь. Меня, вероятно, как инвалида. Что будет дальше – Бог весть. Хочется положиться на волю Божью, а силы духа не хватает. Читаю «да будет воля Твоя» ..., а в душе шевелится: «только пусть она будет как моя, чтобы нам жить здесь остаться» ... Юристы о наше дело головы сломали: нотариальный договор не расторгнут. Артель аннулирована – существует ли? Или нет? Вот тебе, тетечка, целое судебное письмо. Больше писать ни о чем не могла: Рождества я не видала, сочельник – хозяйство сдавала, 3 первые дня все ездила по учреждениям. Если выселят, тогда буду думать, что дальше делать. Сейчас и подумать некогда. Целую тебя и твоих, Таточку и её маму; С[ергею] Ф[ёдорови]чу и Мише привет.

Елена.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6098. Л. 51–53 об.

№ 60

Казанский 30 - VII/ 12– VIII [19]25 г.

Дорогая тетечка!

Получила сегодня твоё письмо и так переমেжилась² в дела, что я сегодня целый день никуда не ездила, сидела дома. Пользуюсь возможностью написать тебе эти строки. Большое тебе спасибо за то, что от твоих писем на меня веет родной семьёй – отрадно это, особенно сейчас. Дела наши обстоят так. Кассацион[ные] жалобы наши оставлены без последствий, решение Нарсуда утверждено. Подали мы жалобу прокурору в порядке надзора. 1/14-го должны получить справку - в каком положении наше дело. Наркомзем, отстаивавший наши интересы, прислал к нам комиссию для выяснения вопроса, можем ли мы надеяться вернуть обратно свое хозяйство. Смотрели они как сейчас ведется дело у нового хозяина, делали замечания, в другой раз де так не делайте, как здесь делали. Но

¹ Московский областной земельный отдел.

² Допускать перемежку, промежки во времени или в пространстве; делать что вперемежку.

потом, объясняясь со мной, председатель комиссии в присутствии членов нашего Совета сказал мне, что здесь столкнулись интересы рабочих, которым нужны квартиры, и монашек, членов артели, которые не хотят уходить отсюда. «Вы понимаете, Ел[ена] Влад[имировна], что в Республике власть рабочая, опирается она на рабочих, и ни от кого вы не можете требовать, чтобы интересам монастыря бывшего или ныне существующего было отдано предпочтение перед интересами рабочих». Мнение это всё разъяснило. Оно было для меня не новостью, п[отому] ч[то] я уже успела понять, прочтя одну брошюру по вопросу о суде, что в РСФСР суд классовый и при определении то, что такое право – объяснили, что право – это такая система понятий, при которой государство защищает интересы господствующего класса против других. Помню, еще в Витебске я расспрашивала папу, почему на переплёте его зеленой книжки (Юридич[еский] календарь) нарисована женщина с весами и с завязанными глазами. И мне растолковали, что это богиня правосудия, и что она, Елена, для того, чтобы не видеть, кто является к ней на суд, а только чувствовать, что каждый кладёт на одну из чашек весов.

Вот теперь-то я знаю, что слепая богиня прозрела. И она смотрит не на то, с чем являются к ней, а кто к ней приходит. Потому я не ждала ничего хорошего от Губсуда – и не больше жду от прокурора. А время идёт, время проходит. Приближается осень. Хорошо это или плохо? Говорят, до октября доживём, тогда по закону нет выселений... по закону, а мы вне закона.

Теперь НКЗ¹ предложил МОЗО дать нам подходящее хозяйство. Недавно ездила я в одно имение. Одно из самых благоустроенных в уезде имений. Сейчас там прекрасно сохранившийся барский дом большой, 2-х этажн[ый], около 18-ти больших комнат, ещё дом, прачечная, сушильня, баня, ручной водопровод и всё в порядке бы, но земля вся до последней сажени отдана крестьянам. Забраться туда в голые стены и кормиться неизвестно чем? Пришлось отказаться. Говорят, хозяйства будут освобождаться в сентябре – октябре. И вот, если найдётся подходящее, нас заставят туда перебираться. Не скрою, что это очень жутко, особенно мне горе-председательнице. Труда на новом месте будет много, а уверенности, что дадут жить - никакой. А отказаться от имения, расходиться теперь же – тоже жутко. Ты спрашиваешь, что я дальше думаю делать. Так сложились обстоятельства, что мне надо оставаться при ядре нашей организации до последней возможности. Внутри меня живёт убеждение, что дело только во времени, и что нам не устоять, ни здесь, ни на новом месте. И сейчас мы живём нынешним днем и дальше возможны оттяжки. Но рано или поздно, но наш коллектив принуждён будет расплыться. В этом я также убеждена, как и в том, что монашество будет живо до конца мира, и что я должна остаться монахиней до смерти. Что же дальше делать? На меня ужас наводит всякая мысль о Москве как вообще о большом городе, контроль жилой площади, безработные, биржа труда, регистрация, отметки, проверки

¹ Народный Комиссар Земледелия.

– никак не хочу туда ехать. Нижний для меня закрыт из-за новой родни. Остается деревня. И вот манят в Княженский уезд - 15 вёрст в сторону от ст. Поделинской. В деревне есть дом, хозяева имеют торговлю в Москве, дом заколочен, и они его не уничтожают только на черный день. Хозяйка этого дома – сестра нашей монашки. Она предлагает ехать туда, устраиваться с кем-н[ибудь] вдвоём, берётся оплачивать налоги за дом, жить на жалование, предлагаемого сестрой за то, что она будет караулить дом и ходить за коровой. Меня зовёт эта монашенка ехать с ней в этот дом. Жить предлагается рукодельем: я выучилась стегать одеяла, а она – портниха. Мечта наша – прожить так, чтобы заработать себе кусок хлеба «не преклонять колени пред Ваалом»¹. Так мы собираемся. Что выйдет на деле – неизвестно. В прошлом году ожидая, что вот-вот придётся уехать, я продала свои вещи. Было две выгоды: и за перевозку их не платить, и деньги наперёд получила. Но... нас до сих пор не выселили. Я ежедневно мыкаюсь по судам и учреждениям. Деньги поэтому уплывали. И теперь два убытка: ни денег, ни вещей... Недавно была у меня Сонечкина подруга. Она учится на курсах в Москве, а летом была в Нижнем. Она привезла мне письмо от 2-х «Софий Шамониных» и кое-что порассказала. Володя служит в уездном совете в канцелярии, его жена в ГИУ², как и её брат, Сонечка по-прежнему работает в канцелярии тюремной больницы. Живут все вместе. Мама ведёт хозяйство и возится с ребёнком. Маленький Юрочка скоро будет ходить. Соня всё собирается его окрестить. Я поняла, что маме полегче. Но у неё болели глаза и было расширение сердца. Просит она у меня адрес Юры или способ, как с ним снестись ей самой, а я ни того, ни другого не знаю. Кажется, там нужды меньше, хотя мама и пишет, что «хорошо бы иметь побольше денег». Сонечка будто бы делается серьезнее, аккуратнее, сама держит в порядке квартиру, и себя самое, разошлась с некоторыми подругами из-за того, что те «слишком легко смотрят на жизнь». Муж её давно женился.

Я было раскисла. Стало мне воздуху не хватать. Думала легкие шалят. Была недавно у доктора – тот нашёл, что шалит сердце на почве нервности и переутомления. Посадил меня brom u adones vernalis³. Сегодня дышу свободнее. Должно быть доктор попал в точку. Вот, тётчка, сколько тебе написала. Ты читать устанешь. Передай от меня привет т. Зине и всем твоим. Олим[пиаду] Ник[олаевну] я как-то встретила. Она очень похудела, выглядит какой-то общипанной. Жалуеться, что жить трудно, что скоро нечего будет продавать, что никому она не нужна. Не знаю, помнит ли т. Зина, как у неё жил на квартире родственник Ол[импиады] Ник[олаевны] - Семен... Забыла отчество. Он теперь дьяконом в Гноздниках. Ещё

¹ Я соблюл Себе семь тысяч человек, которые не преклонили колени перед Ваалом» Суд 2:11.

² Главное интендантское управление Красной Армии

³ Бром и Адонис весенний, или Горлицвет – многолетнее травянистое растение.

я как-то зашла в церковь к Николе Явленному¹. Молебен служил о Добролюбов². И когда я ему напомнила, что я тёткина племянница, он расспрашивал жива ли она, как живет и просил передать ей поклон. Больше писать негде, да и спать пора. Прости, тетечка. Целую тебя.

Твоя Елена.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6099. Л. 1–4 об.

№ 61

11-24/IX– [19]25 г.

Милая тётечка!

Пишу тебе пока на месте. Поздравляю с предстоящим днем Ангела тебя и Верочку. А также с именинницей Наденькой. Не знаю, где я буду 16-го. Во вторник 9/22 судебный исполнитель принёс нам исполнительный лист и дал срок до 15/28-го. В этот день назначено переселить нас в Подольский уезд в пустые дома барской усадьбы. С утра должны прийти лошади и грузовики, чтобы поднять наши вещи. Но дело в том, что съездили посмотреть предлагаемое житье, все наши сестры нашли, что ехать туда неудобно. Земли там нет, огород и тот устроить негде, а для заработка рукоделием очень неудобно то, что это именье далеко от Москвы и 6 верст убийственным поселком от станции. Словом, туда мы не поедем, а раз отказываемся от предложенного помещения, то должны быть выселены на улицу. Это, вероятно, и произойдет в понедельник. Правда, мы подали жалобу на незаконное переселение нас в чужой уезд. В субботу дадут ответ, приостановлено ли наше выселение. Многие сестры нанимают себе квартиры поблизости. А я ума не приложу, что делать. Уезжать далеко страшно. Остаться здесь нельзя. Работница я плохая, т.к. практики у меня было мало. Переезд потребует денег и не знаю, что раньше надо бы сделать: одеял настегать на переезд или переехать. Закрываются глаза: я несколько ночей сплю не более 5 часов.

Прости, тётечка. Целую твоих. Мой привет Сергею Фёдоровичу. Как я его удачно перехватила в Москве. Не знаю, не написала ли глупостей, совсем засыпаю. Прости, тётечка, если вздумаешь мне написать, то пиши по такому адресу: Москва, Тверская, Леонтьевский пер., д. 23, кв. 4. Карасевым для Ел. Вл. Шамоиной. Если мы удержимся, я напишу. Целую крепко.

Елена.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6099. Л. 6–7 об.

¹ Церковь Николая Чудотворца Явленного на Арбате — утраченный православный храм, находившийся в Москве, в Серебряном переулке

² Возможно, речь идёт о Новомученике священнике Николае Алексеевиче Добролюбове (1875-1937).

№ 62

Милая тётечка!

Пишу, сидя на перепутье, вернувшись из суда, где узнала последнюю резолюцию относительно нас. Наша организация разбита была на 2 части. 41 чел[овек] не имеют избир[ательных], а, следовательно, и никаких человеческих прав, 110 чел[овек] имеет права. Вопрос о выселении. Из 41 чел[овек] 14 выселить без площади, 7- переосвидетельствовать и, если они будут признаны нетрудоспособными, переселить в богадельню, если же они могут трудиться – выселить без площади. 20 человек, как престарелых и полных инвалидов, переселить в приют соц[иального] обеспеч[ения].

110 лиц, имеющих права, переселить при условии предоставления им соответствующей площади, признанной годной для жилья техническим надзором с представлением перевозочных средств. В 1-ой категории – казначея Валерия (т. З[ина] её знает). В 3-й- Матушка игум[енья]. Здесь же м. Овсеполия с сестрой (т. З[ина] их тоже знает). В числе 110-ти снова организовавшиеся в артель и недавно снова зарегистрированных – председательница - я, в числе членов тоже известная т. З[ине] – Лиза. Всё время пост, Пасха и дальше налёты комиссий с милицией для учёта имущества. Для описи нашей личной обстановки; 2 раза были мы у прокурора. По правде сказать, приходит в голову, что легче было бы бросить борьбу. Но как-то враги наши дело делают не с концом, опять есть поводы для кассации и как раз мы, 110 чел[овек], должны решение кассировать. Относительно имущества и переезда мне не очень страшно: я распродала почти все, что у меня было, остался диван и книжный шкаф.

Но, как и что будет, где нам предоставят место и пойдём ли мы туда- вопрос. Наши старейшие ладят одно: никуда мы не пойдём, будем жить здесь. Страшна предстоящая борьба с фабричными и милицией, которые могут начать выселять наших монахинь. Вообще, что будет – предвидеть трудно. А хотелось бы передохнуть. Скоро год тянется судебная волокита и дорого она нам дается. Мне кажется, что вопрос только во времени. Но если я переменю место жительства, то, конечно, извещу Вас о перемене адреса. А пока он прежний. Имела сведения о маме: живут вместе мама с Соней и Володя с семьей. Соня и жена В[олоди] служат, он имеет какую-то работу на дому. У мамы один урок через день, и она больше дома по хозяйству и с детёнком, которого, говорят, очень любит. Хотя она мне и пишет, что ей непривычно быть на иждивении, не имея своих заработанных денег, но мне кажется, что это лучше, что может для мамы сейчас и быть, пора ей посидеть дома и, кажется, достаточно она на своем веку для них поработала. Говорят, что отношения между ними хорошие. Обрываю письмо п[отому], ч[то] надо идти к адвокату. Целую тебя крепко. Очень хочется узнать что-нибудь о вас и всех. Тётечка, если с нами к осени вопрос будет покончен, и я буду принуждена устраиваться самостоятельно, может удастся мне приехать к

Вам на недельку-другую, если удастся и смогу. Поклонись от меня С[ергею] Ф[ёдорови]чу и Мише. Сестер и племянниц целую.

Ваша Е[лена].

Прости меня за карандаш и небрежное письмо: спешу и пишу, разговаривая с Матушкой. Изю дня в день в разъездах и юридической волоките и дома только сплю.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6099. Л. 8–11 об.

№ 63

Головин 19-IX/2-X

Милая тётечка!

Уже и праздновала я твои именины! 15/28 приехали 40 подвод, пришли рабчие, не то татары, не то калмыки. Явились судебные исполнители и хотели насильно перевести нас в Подольский уезд. Как это происходило, расскажу при свидании. Довольно того, что часть монашек ночевали на кучах своих вещей под открытым небом, и в ночь пошел дождь. В 3 дня все было кончено: корпуса заперты или запечатаны, сестры расселены кто куда по округе. Я лично составила свои вещи на террасе и на чердаке у нашего врача и временно ночую у него. Быть здесь очень тяжело, (не у доктора, а близ разоренного гнезда). Много страхов, много волнений. Устраиваться самостоятельно - энергии нет. Усталая, хочется отдохнуть. Если можно и я вас не очень стесню, нельзя ли было бы мне прибыть на некоторое время у Вас? Еще с неделю мы провозимся с ликвидацией и потом мне бы хотелось уехать. Предстоит начинать новую жизнь, а у меня сил нет и энергии нет. Мне хочется собраться с силой. Хотелось бы от тебя получить ответ.

Адрес прежний. Тверская, Леонтьевский пер., д. 23. Кв. 4. Карасевым. Для Ел. Вл. Ш[амониной].

Крепко целую тебя и сестер. Получила письмо от т. Зины, которую очень благодарю за приглашение. Простите.

Ваша Елена.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6099. Л. 13–14 об.

№ 64

Головин 9/22- X [19]25 г.

Милая тётечка!

Вот то: человек предполагает, а Бог располагает! Уж скоро месяц, что вещи мои лежат на террасе у доктора, а я сама пристроилась в его кабине на время отъезда и все ещё уехать мне нельзя, и, пожалуй, долго будет нельзя. Сначала при-

шлось участвовать в последних действиях ликвидации, продавать артельное имущество, делить деньги, продукты и пр[очее]. Потом у меня на руках были сестринские документы – их надо было раздать. А потом вдруг проснулся ВЦИК, хотел было приостановить наше выселение, но распоряжение пришло через неделю после того, как нас вышвырнули. Теперь ВЦИК запрашивает из всех учреждений делопроизводство о нашей артели и будет пересматривать всё дело. И Николай Андрианович (наш поверенный) заявил, что если мне уехать, то только дня на 3 – на неделю, т. к. я могу потребоваться по делу. Значит ехать нельзя. Надо сидеть у моря и ждать погоды. Положение невыносимое, хоть и очень хорош доктор и его жена. Но всё же это не свой угол, и все, как в лагере. За справкой во ВЦИК велено прийти через 3 недели, т. е. 27-го окт[ября] ст[арого] ст[иля], а возможно, что тогда срок передвинется ещё на 3 недели. Словом, я могла бы пробыть у Вас и месяц или полтора, и к заговенью уехать, а, пожалуй, до заговенья просижу здесь. В Нижний я писала одновременно с тобой, но ответа не получила. Если будешь писать, то лучше опять на имя Карасёвых.

*Москва. Тверская. Леонтьевский пер., 23, кв. 4. Карасёвым, для меня.
Крепко целую Вас. Всё-таки надеюсь увидеться.*

Елена.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6099. Л. 16–16 об.

Ленинград. Улица Красных Зорь, 75. Надежде Николаевне Платоновой. Штемпель 24 10 25. Штамп При получении взыскать сумму, указанную на доплатной марке¹.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6099. Л. 17.

№ 65.

Головин 1/14/XI – [19]25 г.

Милая тётечка!

Всему есть предел. Кажется, кончается и моё пребывание между небом и землёй, в чужой квартире и в неопределённом положении.

ВЦИК, собиравшийся рассмотреть наше дело в непродолжительном времени, ничего не сделал до сих пор, и скорого конца не обещает. Завтра вечером я должна увидеться с нашим поверенным, и если он согласится на мой отъезд, то я могу и собираться. Кажется, за эти 1 ½ месяца я устала ещё больше, чем за последние 1 ½ года: около непогребённого покойника сидеть куда тяжелее, чем около тяжелобольного человека, а я как раз эти 1 ½ месяца у покойника сижу. Впрочем, одно хорошо: я немножко подработала за это время: слава богу, что на рынке идут одеяла: ими кормятся все монашенки – и я немножко подноровилась.

¹ Текст на конверте.

Скоро надеюсь попасть к Вам. Но только, тётчка, вот какое у меня возникает сомнение: не затруднить бы Вас едой. Я очень непритязательна: была бы картошка и постное масло, а если ещё и селёдка есть, то я вовсе чувствую себя барыней. Но мяса я не ем, да и отвыкла от него за последние 13 лет.

Кроме того, раньше я рассчитывала попасть к Вам так, чтобы избавить Вас от своего присутствия к заговенью, а теперь попаду на самый Рождественский пост. Не стесню я тебя? И Катерину? Хотя сварить еду себе могу я и сама. Дело в том, что устав о пище является одним из того немногого, что ещё сохранилось от монастыря и мне тяжело было бы его нарушить при первом столкновении с другим миром. Мои планы о дальнейшем как-то расплзаются, так что, возможно, что всё пойдет не как предполагалось. И потому нужны сила и мужество, а я как-то раскисать стала. Очень хочется поскорей уехать. Дай Бог, чтобы это удалось. Но во всяком случае, ещё неделю я, пожалуй, должна пробыть здесь, и вряд ли меня выпустят раньше 12/25-го. Если вздумаешь написать мне, то пиши опять Карасёвым.

*Москва. Тверская Леонтьевский пер., кв. 4, для меня.
Целую, тетя. Привет Вашим всем.*

Елена.

Маме я написала одновременно с тобой и ни строчки оттуда.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6099. Л. 18–18 об.

№ 66

+ Зеленино 18/ II/ 3/ III - [19]26 г.

Милая и дорогая тётчка!

Вот я уже 3-ий день на месте. Добралась очень хорошо. Погода была особенно благоприятная: солнце так пригревало, что совсем не чувствовалось мороза. После 11-ти выехали из Подсолн[ечной], а в ½ 2 часа я была уже здесь. Встретились мы очень сердечно. Много было разговоров, и сейчас ещё не всё переговорили. Деревня наша расположена по обе стороны оврага, где течёт быстрая речка, которая в половодье, говорят, сильно разливается. Наш дом на отлёте. Из окна видна церковь на той стороне оврага; моя комната угловая, и из другого окна видно поле, а за ним сосновый бор. Дом новый очень чистый, стены бревенчатые, окна большие. В большой комнате помещаются Лиза и Анюта, и также пяльцы с одеялом, и большой стол для обеда. За стеной кухня, п[отому] ч[то] печь выходит сюда большим зеркалом¹. Переборкой отделяется моя комната. Она к печи не примыкает и в ней стоит железная печурка, а трубы идут через весь дом: её приходится топить раза 3 в день, п[отому] ч[то] полом выстывает наш дом. Говорят, что это будет не всегда. В этом году дом стоял пустой, до самых морозов и в подпол

¹ Зеркало – поверхность печи, отдающая тепло в дом, стенка печи.

набрался холод, который и дает себя чувствовать. Но уже теперь и до весны недалеко. Вторую ночь сильный ветер так и ревет, была сильная выюга, нас занесло со всех сторон снегом, а сейчас идёт дождь, значит будет осадка снегу и дорога наладится опять. Тетечка, оказывается здесь заказные письма и вообще всю застрахованную корреспонденцию приносят прямо на дом, т[ак] ч[то] затруднения в получении нет никакого. И очень бы просила кого-нибудь из молодёжи достать в домовой конторе выписку о моем выбытии и прислать не заказным письмом, по возможности не очень это оттягивая. Говорят, отсутствие в паспорте отметки о выбытии может служить препятствием при прописке. Как всегда, издали представляешь себе жизнь совсем иначе, чем застанешь её в натуре. Здесь идёт жизнь совсем незнакомым мне укладом. В полной силе «м[онасты]рь», т. е. община, которая заправляет всем распорядком жизни своих членов. Много очень патриархального, почти былинного, но об этом напишу в другой раз.

Только скажу, что нас общество не трогает, п[отому] ч[то] мало нас и видит. Отношение к нам очень доброе и сочувственное, и внутри в доме я застала мир и тишину. Лизина мама - старушка 85 лет - спит у нас на печке. Она хворает, кашляет, но очень терпеливая и тихая. Мой котик Барсик меня узнал только на другой день по приезде, в первый день все приглядывался, а на утро как-то разглядел, бросился ко мне и стал лизать руки, как он это раньше делал. Но с ним беда: курочки занесли и вот Барсик подкарауливает курочку, чтобы воспользоваться свеженьким яичком, которое он есть целиком, со скорлупой, а мы караулим и Барсика, и курочку, чтобы уберечь яичко в свою пользу. И каждое новое яичко - событие.

Прости, тетечка, надо снести письмо это, чтобы оно пошло завтра. Мой низкий поклон С[ергею] Ф[ёдоровичу], а сестёр целую. Каждое утро, как сядем пить чай, так я вспоминаю и рассказываю своим про «мама-Наташа, пора вставать» и про деда с бородой с бабаками и про мн[огое] др[угое]. Целую её крепко (если она позволит, и не скажет: «Таню – ни-ни-ни») и Таточку. Мой поклон Мише и Никол[аю] Вас[ильевичу] и особенно няням. Тебя крепко целую, тетечка; рада буду весточке от тебя.

Лиза очень кланяется т. Зине и благодарит её за сёмгу. Тетечка, вот и выходит: «всладу жизнь».

Елена.

Если будут мне письма, пожалуйста переадресовывайте мне сюда.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6099. Л. 20–22 об.

№67

+ Зеленино 7/20 III. [19]26 г.

Дорогая тетечка!

Пишу тебе перед большим в нашей жизни событием: завтра уедут в Москву Лиза с Анютой с работой и по делам. А я остаюсь домовничать, да бабушка на

печке. Бабушка берётся печку истопить, я буду стряпать на двоих, воды сестры натаскали во все сосуды, чтобы хватило на три дня. На моём попечении останутся три курочки, петух, Барсик, бабушка и дом. Дай Бог мне не опрокинуть в печке чугуна и не упустить из бочонка воду! Тёточка, Господня земля исполнение её. Живем мы монастырьком: молимся вместе, работаем, читаем – жизнь полна делом, книг духовных много. Живём дружно, бабушка молится около нас: пришла сюда погостить, а теперь упрашивает не гнать её с печки, что здесь ей лучше, чтобы и похоронили мы её. Таким образом, нас четверо. Работа есть и из Москвы, и заказная из деревень. Милая тёточка, большое спасибо за две бандероли и за заказное письмо. Я всё получила. Паспорта наши уже прописали здесь, но как раз потребовали выписку, т[ак] ч[то] ты её прислала как раз ко времени. Относительно же газет, большое спасибо за присланные, особенно за то, что я могла узнать о приговоре над Ал[ександром] - Невскими церковниками, а больше пока не присылайте.

Оказывается, всё это не так просто: попечитель школы, расположенной против нас, на другом берегу речки, коммунист, заведующий местным культпросветом, очень интересуется, читаем ли мы газеты, и может придрататься ко мне из-за газет. Я боюсь, чтобы не вздумали ходить к нам под предлогом поглядеть газеты. Поэтому, пока ко мне здесь не пригляделись, лучше от этого воздержаться, чтобы поменьше обращать внимания. Чувствую я себя нравственно хорошо, физически - средне: задыхаюсь при всяком движении, ходить по улице избегаю, только на крылечко выхожу подышать. Получила из Москвы предложение приехать для хождения по делам, но посылаю Анюту, т[ак] к[ак] сама не чувствую себя в силах предпринять путешествие, да ещё в Москве начать ходить по учреждениям. Вот и остаюсь домовничать с бабушкой. Вот и вся моя жизнь.

Крепко целую тебя и сестёр. С[ергею] Ф[ёдоровичу], Мише, Ник[олаю] Вас[ильевичу] кланяюсь. Нет ли вестей от Наденьки или ещё более издалека¹?

Елена.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6099. Л. 23–24 об.

№68

+ 12/25 IV – [19]26. Зеленино.

Вербное Воскресенье.

Милая и дорогая тёточка! Давно получила я Ваше коллективное письмо и так быстро идёт время, что оглянуться не успела, как прошло больше 4-х недель. Очень обрадовалась я весточки от Наденьки и отраднo было почувствовать, что и

¹ Намёк на Краевичей (семья дочери), эмигрировавших за границу.

там¹ они остаются русскими и православными. Опять наворачиваются мои любимые слова: «Господня земля и исполнение ея – вся земля Божья, и мы все Божьи, и пока мы это помним, все мы вместе, хотя бы внешним образом нас разделяли большие расстояния»². Ехала я сюда караулить весну и, можно сказать, не укараулила. В Благовещение ходила в лес искать весну- никаких признаков, снег хрустит, около деревьев никаких отдушин, жаворонков в небе не слышно, красуется снег чистый и нарядный. То же было в следующее воскресенье. На 5-й неделе покончили мы с московской работой, которую нам дали к празднику, и нужно было её свезти. Повезла её Лиза, и я увязалась с нею Москву посмотреть и себя показать. Поехали по насту, снег лежал крепко. Через озеро ехали по твердой дороге и все говорили, что Пасха будет на снегу. Нигде не видели воды. И эта затянувшаяся зима настоящим бедствием была для всех наших соседей, т[ак] к[ак] в прошлом году урожай трав был неважный, сено все подбилося, кормят скотину соломой, и нередко дома, где уже раскрывают сараи и с крыши солому режут на корм.

Была я в Москве 4 дня и тяжёлое-тяжёлое воспоминание вынесла. Во-первых, что касается меня лично, то я своим старшим показала настолько слабою, что они поняли, что я сейчас ни для каких посылок не гожусь. Они все тешили себя какими-то надеждами, то на Высшее учреждение, то на подчиненные ему, и компания наших должна была в понедельник на 6-ой неделе идти просить себе гнездо, чтобы всем собраться, жить и работать. И это в то время, как Страстной м[онасты]рь в Москве выселили в три дня, сейчас же после крестопоклонного воскресенья!³ Кажется, меня туда сейчас и манить не будет, п[отому] что там нужна будет усиленная работа физическая, а я стараюсь показать, что я без посторонней помощи сейчас обойтись не могу. Но в Москве у моих старших жизнь какая-то пустая, тяжёлая, безрадостная и мне очень жалко свою Матушку. Так захотелось чем-н[и]б[удь] помочь ей и видишь своё полное бессилие. Единственное, что могла сделать - это усиленно просить её приехать летом погостить у нас, отдохнуть от шума, полугородского существования, в котором они сейчас, бедные, томятся. Да ещё пока была там, помогла им шить одеяла, а это тоже помощь, т[ак] к[ак] они должны сидеть целыми днями, чтобы выработать себе деньги на квартиру и дрова. По сравнению с ними мы барствуем! В субботу на 5-ой неделе был первый тёплый день. Я в этот день была у доктора и на рентгенокопии. Нашли расширение сердца и общую слабость. Прописали лекарство. Старшие мои просили меня по приезде домой прислать к ним Анюту для хождения по делам. Я заказала себе лекарство с тем, чтобы Анна мне его и привезёт. В Воскресенье мы

¹ Во Франции.

² Псалом. 23.

³ Воскресенье третьей недели Великого поста в Православной Церкви носит название Крестопоклонной недели

вернулись в Подсолнечную и увидели, что дороги все почернели, снег съёжился, на озере сверх льда показалась вода. Женщина, выехавшая за нами, проехала утром по сухому зимнему пути, а назад уже в ложине пришлось переезжать большое пространство воды, выступившей на дороге. К нашему домику я еще прошла в калошах, но с горы уже несся поток воды, угрожавший затопить мостик через реку. А на утро в понедельник со страшным шумом начался рушиться снег с берегов в реку, река забурлила, зашумела, разлилась, затопила часть моста – и оказалось, что мы отрезаны даже от противоположной улицы нашего села. В среду мальчонка один утонул было в нашей речке, которую обыкновенно босиком переходят дети. Откуда-то взялись разноголосые птички, жаворонки зазвенели в небе, снег весь с окружающих пригорков согнало и несколько дней от каждого дома под гору обрушивался бурный ручей с водопадами, с шумом вливался в реку, которая так разбушевалась, что снесла несколько мостов. И вот вчера, в субботу на 6-ой неделе мужички с лукошками через плечо пошли куда-то. А я по своей городской психологии решила, что они пошли в Подсолнечную, везут в Москву яйца продавать. Но бабушка наша объяснила другое: пошли они в поле, в талую землю клевер и вику сеять и так вся весна пришла меньше, чем в неделю, где уж тут было уследить за отдельными признаками приближения её? Анята наша в понедельник уже не могла выехать в Москву, и я не знаю, как они там устроятся без неё. Вероятно, приспособят кого-нибудь другого. Да и смысла нет за 75 верст выписывать человека для хождения по безнадежным делам. И я осталась без лекарства, т[ак] к[ак] Анята должна была мне привезти его из Москвы.

Сегодня Вербное Воскресенье. Хотелось нам пойти в церковь. С двух сторон есть по церкви, в 3-х и 4-х верстах от нас, и там протекает наша речка. Стали узнавать, оказывается, везде вода разлилась, мосты снесло, мельницы поломало, и не пройти, и не проехать нельзя никуда. Так и пришлось молиться дома. Принесла нам девочка соседка вербушки и помолились мы и вчера, и сегодня дома, прочли что полагается и что можно без священника и поздравили друг друга с праздником. Милая наша бабушка насмешила меня сегодня и тронула: выхожу я перед молитвой, гляжу она в валенках и в новых калошах. Бабушка, что это вы в дорогу что ли собрались? Калоши надели? Ох, матушка, да ведь ныне праздник, вы все к празднику убираетесь, черненькое надеваете, и я к празднику хоть калоши одела.

Сегодня сильный ветер «почку раздувает» говорит старушка. Хотела было я в лес пойти, посмотреть, что там делается, да очень пасмурно, холодно, и земля ещё в поле так пропитана водою, что нога вязнет. Теперь для нас большой вопрос, войдёт ли вода в свои берега за эту неделю? Первые дни Страстной¹ мы просидели

¹ Страстной седмицей, или Страстной неделей называется последняя неделя перед Пасхой, посвященная воспоминаниям о последних днях земной жизни Спасителя, о Его страданиях, распятии, крестной смерти, погребении.

дома, но хотелось бы хотя бы в Великую Пятницу¹ попасть в церковь, да и освятить разговление² хочется, а если дороги будут в таком состоянии, как сейчас, то в церковь не пройдёшь никак. Ну, да утро вечера мудреней, а у нас впереди целая неделя. Всю 6-ую неделю у нас была большая спешка: на Красную Горку³ будут свадьбы и вот невесты нанесли нам шить одеяла. Хотелось все данные на срок дошить до Страстной, т[ак] к[ак] потом будет у нас уборка и стряпня. И сидели мы очень усидчиво. Слава Богу, всю спешную работу всю кончили вчера к вечеру, пальцы вынесли до Фоминой и теперь, вероятно, две недели за эту работу не возьмёмся. Но начинают ещё работы: в огороде вытаяли грядки клубники, которую нужно полоть, к 1-му мая приведут к нам корову и в Егорьев день⁴ придётся быть на мирском молении перед выгоном и первые дни помогать пасти скотину. Делать это будет Лиза, и она уже сейчас волнуется, как это будет. Курочки наши исправно несутся и у нас к празднику набралось 3 десятка яиц. Кот мой прилачился было воровать только что снесённые яички прямо из гнезда к большому негодованию петуха, который всем доступными ему способами выражал свой протест: теперь приходится караулить и кота, и кур.

Я дома здорова, в людях задыхаюсь. Должно быть, исподволь избавлюсь я от своих хворей: разговлеюсь я, будет молоко, яйца и будет много воздуха и солнца. В Москву собираюсь теперь не скоро. Мечтаю, если будет возможность летом съездить в Нижний и оттуда в Саров, но сбудется ли это не знаю. От мамы здесь ещё ничего не получала, хотя послала ей письмо тотчас же по приезде. От Вас последнее письмо было с вложением Наденькиного. Ничего я ей не пишу, если можно, когда будете ей писать, скажите ей, что я ей шлю «Пасхальный привет, Христос Воскресе». И да воскресит Он наши души, наши надеющиеся силы, наши надежды! Верочку благодарю за вложенное письмо. Не обижайся на меня, что я отдельно тебе не пишу: все вы там вместе и я о Вас всех вместе думаю и люблю и о себе рассказываю зараз всем, кто меня помнит.

Тетю Зину поздравляю с близким праздником: Христос Воскресе! И Вас всех, тетечка, также целую и желаю Вам много света и радости от Воскрешающего. Состоится ли Ваша поездка?⁵ И когда? Не знаю кому поручу опустить это письмо: до Подсолнечной теперь только пешком в сапогах можно пройти. Но

¹ Великая пятница — пятница Страстной недели, которая посвящена воспоминанию осуждения на смерть, крестных страданий и смерти Иисуса Христа.

² Разговление - это постепенный переход на привычное, типичное до поста питание, со всеми его жирами, белками.

³ Красная горка — народное название первого воскресенья после Пасхи.

⁴ Егорий Вешний — день в народном календаре славян, приходящийся на 23 апреля (6 мая). Название происходит от имени святого Георгия Победоносца.

⁵ Поездка четы Платоновых во Францию состоялась.

авось до Светлого дня дойдет оно до Вас. Когда будете Христосоваться, вспомните, что я издали Вам всем скажу: Христос Воскресе!

Простите, Ваша Елена.

Сергея Федоровича, Мишу, Николая Васильевича поздравляю с праздником. Маленькой Танюшке посылаю картинку, а Таточку так поздравляю. Не обижайся на меня, что тебе не нашла картинки, ты грамотная, можешь и прочитывать мое поздравление, а маленькая Танюшка может хоть по картинке с Яшком вспомнит «тетю Лену». Катерину и няню поздравляю с праздником. Не пришлет ли мне Таточка письмо?

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6099. Л. 26–29 об.

№ 69

+ Зеленино 17-30 / V [19]26 г.

Милая тётечка!

Как теперь твоё здоровье? Слышала я, как грустно прошла у Вас Пасха, и все праздники вспоминала Вас. Слава Богу, что тебе теперь лучше, да и за всё слава Богу. Было очевидно, что обидно тебе последние силы отдавать рынку и кухне, и оставлять под спудом то, что гораздо ценнее не для тебя и твоих домашних только, а и вообще для людей. Не раз я замечала, что Бог даёт человеку дело, ставит его, как часового на посту, а придёт время, придёт разводящий и сменит его. До смены уйти стыдно. Но славу Богу, когда посылается смена. Ты с честью пробыла на своём посту. Пусть молодые при тебе привыкнут тебя заменять. А тебя ждёт очень большое дело. Помнишь ты говорила мне, что хотела бы написать хронику нашего рода? Кроме тебя никто этого сделать не может. И если ты этого не сделаешь, то пропадёт весь тот материал, который собрался у тебя и от бабушки, и за твою жизнь. Сейчас вижу твоё лицо и чувствую, что ты скажешь, что тебе надо поправиться и браться за хозяйство, что дочерям трудно и хозяйство идёт не так и пр[очее]. А я тебя прямо спрошу: а если бы ты поправились, тогда что? На меня ужас нашёл при мысли, как бы принял нашу катастрофу Сергей Фёдорович. Тётечка, ради Бога, не берись больше за физическую работу. Ну пусть кое-что делается не так хорошо – да жизнь-то человека неужели дешевле стоит, чем неудавшиеся кушанье или лишний истраченный пятак. Получила я от мамы письмо, начатое в марте, оконченное в мае. Она опять хворала. Зовёт меня к себе. Теперь не так, немного разрядилось общество: Катя с семейством уехала в провинцию, так как в губернском городе им жить не по душе, а Володя с семьёй выселился в Катину квартиру. Таким образом букет распался, мама живёт с Соней. Я серьёзно подумываю туда поехать. Сейчас у нас очень запоздала работа, но около Вознесенья мы рассчитываем её сдать и здесь спешные дела по огороду будут закончены. Около Троицына дня, если Бог даст, хочу поехать к маме и оттуда спутешествовать в Саров. Но последнее условие, т[ак] к[ак] я не знаю не произошло ли там перемен.

Здесь очень хорошо: птички такие ручные, прилетают под самые окна. Ласточки угнездились у нас во дворе, голубки завелись под крышей, еще какая-то пташка приладилась на соседней березе и так хорошо, хорошо поет целый день, и Лиза меня уверила, что она выговаривает: «Ведь медведь идёт». И правда, так и слышится. Это милое сообщение. Привели нам корову, так что теперь молока, творогу, сметаны у нас много. А условия такие: на зиму купили и за пастуха заплатили, молоко пейте, сметану ешьте, только бы корова была цела. Лиза за ней взялась ходить, а Анюта выучилась доить и на полдни ходит она. С тех пор как стало тепло русскую печку топим только тогда, когда надо печь хлеб или готовить творог, мы стряпаем на керосинках, и эта обязанность перешла ко мне. Лиза быстрее меня шьет одеяла и выгоднее, чтобы она, не отрываясь, шила, а я, по правде говоря, рада оторваться от пялец и не целый день сидеть не разгибаясь. Работа всё время есть, и все мы спешим, то около гряд, то за пяльцами, то за книгами. Посадили в огороде овощи, а картошку на полосе у соседей. Если уродится, нам овощей хватит на зиму. Сегодня хочется сходить в лес. Последние недели немного тяжело было то, что начались зловещие разговоры, предвещавшие неурожай. Осень во многих местах вымокла, и полосы иные наполовину стояли голые. А во время пахоты под яровое началась жара с ветрами, земля уже стала трескаться. И не выпадет дождь ещё с неделю, надо было бы опасаться и за яровое. Слава Богу, вчера и третьего дня прошли грозы с обильным дождём, и сейчас всё оживило и запело, травка закудрявилась, зацветает земляника, у нас в огороде набирает букеты клубника. Ах, как хорошо она пахнет теперь, стоит даже просто высунуть нос из окна. И везде жизнь, и везде разум. Петух, тот даже изучил распределение нашего времени, и когда мы по его расчёту должны кончить пить чай, он со своими жёнами является под окно и напоминает, что он тут, и что пора бросать ему крошки со стола. Одна курочка села на яйца. Положили ей 13 яиц, и по одному каждая заметила, теперь интересно, у кого окажется болтун. Только вот забота: наши интересы не сходятся со вкусами Барсика, и я боюсь, что придётся его на цепочку посадить на то время, когда вылупятся цыплятки. Да не знаю, можно ли кота на цепочку посадить?

Знаешь, какая мысль у меня. Мне приходилось читать о подвижниках, спасавшихся в лесах в «уединении и безмолвии» и вот сейчас я не понимаю, какая же может быть речь о безмолвии в лесу, когда кругом всё поёт, говорит, торжествует, хлопочет и тебе об этом сообщает? Ну, людей он около себя не видит – да ведь сейчас не только птички, а травка, цветочки, речка и та хвалит Бога, какое же тут безмолвие. Прости, тётечка, заболталась я. Надо идти картошку чистить к обеду. Целую тебя крепко. Слава Богу, что тебе получше.

Елена.

Моя сожительница Лиза очень жалела, узнав, что ты больна, а сейчас просила передать тебе от неё привет, хотя ты её не знаешь.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6099. Л.30–33 об.

№ 70

+ Зеленино. 18/IX–1/X [19]26 г.

Дорогая тетечка!¹

Пользуюсь тем, что Анюта поедет в Москву и может опустить эту открытку. Вчера весь день мысленно переходила от одних именин к другим, то в Нижнем, то у Вас была. Поздравляю тебя с днем Ангела и с именинницами большей и детской. Дай Бог тебе еще много-много раз отмечать этот день бодрой и здоровой. Я была летом в Нижнем два раза между 27/ VI-19/VII и 26/VII-12/VIII, а в промежутке была в Сарове. Перед Успеньем проехала в Москву и сверх ожидания почти три недели там провела: были дела, а под конец выждала, когда на станцию выедет лошадь, которая довезет меня до дома. Вот уже две недели, что я дома, отдыхаю от путешествий, перебариваю множество впечатлений. Очень бы хотелось получить от тебя весточку. Поздравляю еще раз тебя и сестер. С.Ф[ёдорови]чу, Мише, Н[иколаю] В[асильевичу] – поклон.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6099. Л. 35.

№71

+Зеленино. 23/X-5/XI [19]26 г.

Дорогая тетя Надя!

Вчера получила от мамы письмо, и хотела вчера же написать тебе, да вечером очень спать хотелось, и не хватило духу посидеть подольше. Не знаю, что с нами делается: вечером ложимся пораньше, уговариваемся утром долго не спать и просыпаем. Так долго темно утром бывает, и погода тоскливая – сон нагоняет. Мама пишет, что от Юры опять пришло письмо и опять с вложением дубликата чека на 10 д[о]л[ларов]. Но теперь она его крепко держит, никому не показывает, но и никто эту мушечку денег ей пока не вручал. Посмотрим, что дальше будет. Тётечка, как я благодарна тебе и т. Зине за то, что туда денег послали. Летнее мое путешествие такой болячкой сидит во мне, особенно от того, что я-то лично им помочь бессильна, и я только могу повторять слово «жалко», жалко старенькую маму, жалко Соню, как и я, ломавшую свою жизнь в самом начале, жалко Володю, которому сейчас очень трудна служба и очень мало жалование. Всех жалко! Мама пишет, что Юра и мое письмо получил, которое я ему послала из Нижнего. Он мне пока не ответил - не знаю, надумает ли он ответить позднее, да и дойдет ли ко мне его письмо. И, оказывается, что он уже в другом месте: в Кливлэнде², а не там, где раньше. Зарабатывает в 1 ½ раза меньше, но работа легче и чище, и он

¹ Письмо на почтовой карточке.

² Кливлэнд – город на северо-востоке США, второй по величине в штате Огайо

собирается учиться. Это-то, что пересказывает мама, а я по своей подозрительности уже смущаюсь, не признак ли это плохой, что он ушел с того места. Уже не задумал ли он опять? Один, далеко и его жалко! Летом три недели провела я под одной крышей с Катей и с её мальчиком: мальчишка славный сам по себе, хотя любимая игра «буржуев бить», что не мешало ему угостить меня кусочками шоколадки, отломанными от своей порции, а перед моим отъездом в Саров наградить меня несколькими конфетками собственного производства. Катя получила назначение по партийной линии в Симбирск, уехала туда с сыном, когда я была в Сарове - и ввиду каникул муж её провожал, а больше у мамы не появлялся, и с начала июля ни от неё, ни от него никаких писем или вестей нет. Мама голову ломает, на что они могли обидеться, а мне кажется, что это их партийная одержимость. Мы здесь вполне устроились на зиму: замазали окна, поставили железную печку, навели порядок в курином хозяйстве: лишних петушков переменяли на молодочек, и у нас теперь 8 курочек и петух. Остаётся ждать, когда они занесутся – тогда будем с яйцами. Работы у нас много: пока подгоняем московский заказ, набираются случайные одеяла, заказываемые деревенскими. За них мы беремся, оставаясь вдвоём, пока третья со сшитыми одеялами уезжает в Москву. Погода плохая, дороги неважные, хотя мы не так отрезаны от всего мира, как были весной. Дел много, книг тоже много – скучать некогда. А мне, после того, как я почти три месяца проводила где день, где ночь, удовольствие доставляет спать на своём диване и чувствовать себя в своём углу. Прости, тётечка, крепко тебя и сестёр целую, племянниц тоже. Сергею Фёдоровичу и Мише, Ник[олаю] В[асильевичу] – поклон. Прости, что моё письмо вышло мазанным: я оставила бумагу на столе, а Барсик прямо со двора забрался с грязными лапами на стол и прошёлся по бумаге, оставив на ней свои следы. Большое, большое тебе спасибо за Нижний, тем более, что ведь и у Вас есть, куда надо посылать, кому хочется помочь... Елена.

Когда я была в Нижнем, и мы с мамой были вдвоём, и много говорили о Вас, мама, отвернувшись от меня, таким дрогнувшим голосом спрашивает: «скажи мне по правде, ты думаешь тётя Надя по-прежнему меня любит?». Такой какой-то жалкий, детский вышел вопрос, и я постаралась, как могла, уверить её, что ты относишься к ней, как прежде. «А мне что-то кажется, что тётя сердится на меня за что-то, и я не могу ей писать, как раньше» - жалко, жалко мне стало маму. Думаю, да за что ещё на тебя сердиться, когда жизнь твоя сложилась так, что у тебя отняты все радости, всякая отрада, и осталась одна горечь, одно горе, одна теснота и болезнь.

И, знаешь ли, тётечка, если ты безо всяких денег, время от времени туда напишешь и это будет очень важно. Ты может быть раньше не испытала этого, а я знаю вот что. Иногда, когда судьба уж слишком настойчиво бьёт человека, и обстоятельства складываются неблагоприятно, и люди, окружающие обижают тебя, то создается какое-то состояние духа, что кажется, что все тебя не любят,

все на тебя сердятся, все, даже самые близкие, против тебя. И ты чувствуешь себя каким-то загнанным зверем. В это время очень дорого бывает встретить просто человеческое отношение с чьей-н[и]б[удь] стороны, уж одно оно облегчает душу. Вот мама моя, как мне кажется, в таком положении. Соню сократили, значит дело там обстоит ещё хуже прежнего. Прости, тётечка, за многословие. Покойной ночи. Пробыло 11 ч[асов], мои уже спят. Пора и мне.

Елена.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6099. Л. 36-38 об.

№ 72

+ Зеленино. 20/ XII – [19]26 г. 2/ I – [19]27 г.

Милая и дорогая тётечка!

Как я обрадовалась твоему письму: давно не получала ничего от тебя, и точно тебя самое увидела. Поздравляю тебя и всех твоих с приближающимися праздниками. Дай Бог всем Вам мирно и спокойно встретить эти дни и «почувствовать праздник», как выражаются наши монашенки. Я лично благополучна, а еще отраднее то, что недавно получила письмо от мамы и Сони, и вижу из него, что Соню опять взяли на службу в то же учреждение, где она служила, и что ею дорожат, как честной и энергичной работницей. Они купили дров, у них тепло, мама перестала кашлять, и даже собирается приехать ко мне погостить. Я очень была бы ей рада, но когда это будет – не знаю. Сейчас у нас новое осложнение в нашей жизни: заболела Лизина мать, 84-х летняя старушка, живущая с нами. Было у неё что-то вроде удара, т[ак] ч[то] приходилось её ворочать, поднимать, кормить с ложки. Думали, что она умирает, поспешили пособоровать и она стала приходить в себя и вот второй день, что она даже немного привстает на ноги. Может и отдышится, а то мы уже думали, что у нас на праздниках будут поминки. Сейчас Анюта уехала в Москву с работой, мы остались вдвоём тихо и мирно. Работа есть почти всё время, а сейчас к празднику завал работы. Можно подумать, что до Рождества никто спать не ложился. И никто постели не имел: всех прорвало одеяла шить на этих днях. Одна просила - сшейте поскорее, очень холодно, ребятишки зябнут. Я им отдам свое старенькое, а мне сшейте. Только взялись - идёт другая: постель стоит непокрытая, придет праздник – вид неприличный, если к празднику не сошьете, то и не нужно оно мне: взялись шить, еще одна сидит уже, является третья – детское одеяльце сшейте к празднику: молитву брать пора, а я одеяла буду дожидаться, а то в церковь не в чем нести. Говорю: ведь дитя у вас как с недель родилось, что же тянули до последнего срока – денег не было. И вот лежат кругом нас вата и материя и ждут, чтобы дошли до них руки.

А ветер воет и воет, бушует вьюга, замело все тропинки. Замело наш дом, и мы сидим точно отшельники со своей работой, болезнями, думами. Погода ужасная: сегодня, напр[имер] - 3°, завтра на 0 или +2°, послезавтра -18°, а на след[ующий] день -25°, потом опять – 5° и на нуле. Привыкнуть невозможно, так

резко меняется температура. Кругом нас нужда и горе: хлеб уродился плохо, соломки нет, сена не накопили. Задёшево продают коров, опасаются - сумеют ли протащить зиму лошадей, рвутся в Москву на заработки и возвращаются разочарованные: не нужны в Москве рабочие руки, своих там излишек. По сравнению с окружающими, мы живём очень благополучно, и жаловаться на что-либо было бы грешно. Была я в начале декабря в Москве, виделась со своей Матушкой. Видимо, она перестала мечтать о скором восстановлении нашей организации, живёт на квартире, шьёт одеяла, собирается покупать дом. Что у них из этого выйдет – не знаю? Большое, большое тебе спасибо, тётечка, за приглашение приехать к Вам. У меня вот такая мечта: сейчас и ехать холодно, и работы много, и бабушка наша хворает, и живём мы одни. Праздники отраднее встретить втроём: мы и почитаем, и попоём, и друг друга в церковь отпустим; отсутствие третьей очень заметно бывает в нашем общении.

Но весной пройдёт сезон одеяльный, из Москвы будут работу давать скупно, в деревне невесты все перевенчаются на Красную Горку, и тогда меньше будут заказывать одеяла. Вот тогда-то и хочется мне урваться к Вам, хотя бы недельки на 3. Конечно, заранее многое не видно: все ли будем здоровы, не будет ли завала работы, будут ли деньги и пр[очее]. В Нижний я об этом своём письме не сообщаю, а то начнут туда звать, а мне туда не хочется, напиши мне - как Вы предполагаете провести лето, собственно ты только и С[ергей] Ф[ёдорович] и можно ли было бы летом к Вам приехать? Скажешь смешно летом уезжать из деревни? Да, к нам летом приезжают Москвичи, в доме тесненько, да и сомнительно, в это-то время и удобнее уехать. Но может ещё выйти так, что Анята соберётся в Царицын на В[олгу], к матери – тогда мне придётся её переждать, двоим уехать отсюда нельзя. Но всё же я надеюсь весной или летом у Вас побывать, если Бог даст, конечно.

Крепко целую тебя, тётечка. Кланяюсь С[ергею] Ф[ёдоровичу] и поздравляю его с праздниками. Всех сестёр и племянниц целую, Мише и Н[иколаю] В[асильевичу] кланяюсь. Когда будет время, напиши мне! Кто у Вас теперь из прислуги? Кроме Катерины и Танечкиной няни есть ли ещё кто-н[и]б[удь]? Прости, тётечка.

Любящая тебя Елена.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6099. Л. 40–41 об.

№ 73

+Зеленино. 31/V–13/VI [19]27 г.

Дорогая тётечка!

Как я обрадовалась твоему письму, а еще больше возможности увидеться с тобою в Москве. Навела справки, узнала, что ты осталась дома. Очень мне стало грустно, особенно от того, что поехать к Вам мне, видимо, не удастся. У Лизы разболелась рука. Поехала она в лечебницу под Москвой по соседству с нашим

м[онасты]рём. Нашли у неё воспаление нерва и сейчас она лечится электризацией в Москве. А мы остались вдвоём с Анютой. На наших руках куры, наседка с цыплятами, ульи, в которые мы надеемся скоро заполучить пчел. А главное - забрана работа на рынке, на троих и к сроку. Одни руки отошли – нам двоим надо прина-лечь, чтобы не потерять заказчика. Уехать нечего и думать. А вот если ты собе-решься в Москву, извести меня, пожалуйста, заранее. Туда я урвусь. Только письмо может около недели пролежать в ВИКе, прежде чем почтальон, обходя-щий свой район только два раза в неделю, принесёт его мне. Так что писать надо заранее, с походом. Очень хочется тебя повидать, обо многом поговорить. Тё-течка, может соберешься в Москву? Мы с грехом пополам живём. Сердце моё му-чило меня зимой и весной хуже, чем в прошлом году. Стала лечиться. Дали Adonis – а он действует на желудок. Дали Ингуклиин – взвинтили нервы. Сейчас мучаюсь с желудком, который не хочет ничего выносить, нервы поутихли.

Из Нижнего известия более утешительные: как будто маме стало полегче.

Но Володю жена бросила, он бедный живёт на квартире, а она с ребёнком у матери. Уж эти мне современные браки?

Прости, тётечка! Дай Бог, чтобы мне тебя увидеть. Соберись в Москву! Крепко целую. Уходят в Подсолнечную. Спешу кончить.

Елена.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6099. Л. 43–44

№ 74

+ Зеленино. 12/25- XII – [19]27 г.

Милая тётечка!

Давно от Вас ничего не имею. Хотелось бы знать, как Вы поживаете, как Ваше здоровье? Продолжаете ли Вы принимать йод? Или кончили? Есть ли вести от Наденьки? И все ли там благополучно? Как идут Ваши домашние дела? Мы живём понемногу, но состав нашей ячейки сменяется. Прибавилась было к нам 4-ая, да ей пришлось уехать в Александров. Сейчас мы втроём, но Анюта собирается на родину на продолжительный срок. Мы остаёмся вдвоём. Конечно, это будет труднее – ну что Бог даст. Не была ли у тебя Елена Филимон[овна]? Всё ли у них благополучно? Милая тётечка, ещё раз до Рождества, вероятно, писать не при-дётся. Потому поздравляю от души с наступающими праздниками, а тебя и с днём рождения, и крепко тебя целую. Поздравляю и С[ергея] Ф[ёдоровича], и всех Ва-ших больших и маленьких. Я на днях должна поехать в Москву, первый раз после приезда от Вас. Но к празднику должна вернуться сюда. У нас здесь отрадная но-вость, что стали устраивать службу в нашей маленькой церковки, из окон в окне, против нас. Сегодня была служба и на 2-й день Рождества будет – это очень от-раднo. А то за 4 версты я что-то в этом году по зимней дороге и в зимней одежде

ходить не в силах. Простите, тетечка. Поклонись от меня С[ергею] Ф[ёдорови]чу и всем всем твоим.

Передай, пожалуйста, Верочке прилагаемое письмо.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6099. Л. 46–46 об.

№ 75

Срочная, Платоновым.

Бабушка скончалась¹. Похороны [во] вторник Елена².

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6099. Л. 48

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Отделение церкви от государства и школы от церкви в Советской России. Октябрь 1917 – 1918 г. Сборник документов / отв. ред. прот. В. Воробьёв, отв. сост. Л.Б. Милякова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. 944 с.
2. Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в советской России (1917–1921). М.: Наука. 1975. 205 с.
3. Бабич И.Л. Судьбы православных монастырей в советское время (1916–1929 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 1. С. 133 – 146.
4. Биюшкина Н.И., Олексенко А.С. Организационно-правовое воздействие Советского государства на Русскую православную церковь (октябрь 1917 – 1929 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2015. №. С. 192 – 201
5. Бабич И.Л. Социокультурные и политико-правовые аспекты модернизации монашеской жизни в начале XIX в. (введение общежительства как новый этап в жизни российских монастырей - на примере Вознесенской Давидовой пустыни) // Социодинамика. 2016. №1. С. 230 – 261.
6. Митрофанов В.В. Ольгинский монастырь и сельскохозяйственная артель на Волговерховье в 1920-е гг. (вступ. ст. публик., коммент)// Шестые Ильинские архивные чтения: сб. ст. Тверь: ООО “СФК-офис”, 2020. С. 80–121.
7. ОР РНБ. Ф. 585. Оп.2. Ч.4. Д. 6098; Д. 6099.
8. Лёвушкин В.А. Описание Казанского Головинского общежительного женского монастыря Московского уезда. М.: «Духовная Нива». 2022. 544 с.
9. Израилев А., прот. Описание Казанского Головинского общежительного женского монастыря, находящегося в Московском уезде. М.: тип. Л. и А. Снегирёвых, 1889. 67 с.

¹ Вероятно, сожительница.

² Текст телеграммы.

10. Митрофанов В.В. «... Найдешь ли ты в монастыре полное успокоение своей душе»: переписка Н.Н. Платоновой с племянницей Еленой (1908–1911 г.) // Культурный ландшафт регионов/ 2023. Т. 5. № 2. С. 56–97.
11. На переломе. Три поколения одной московской семьи (семейная хроника Зерновых) (1812–1921)/под ред. Н.М. Зернова. Париж: УМКА-PRESS. 1970. 487 с.
12. Московская мужская гимназия З. Н. Шамониной. Общество вспомоществования воспитанникам. Устав Общества вспомоществования воспитанникам Частной мужской гимназии З.Н. Шамониной: [Утв. 11 дек. 1913 г.]. М., 1914. 24 с.
13. Музей палеографии: основан в 1925 году. Л : Изд-во Акад. наук СССР, 1925. 8 с.
14. Митрофанов В.В. «...у меня нет никого более близкого, чем Вы...»: Письма П.Г. Васенко к С.Ф. Платонову// Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 4 (57). С. 61–71
15. Митрофанов В.В. Повседневность учителя нижегородской гимназии в начале XX в. (по письмам С.Н. Шамониной к Н.Н. Платоновой)// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 1 (69). С. 247–259.
16. Митрофанов В. В. Повседневность учителя нижегородской гимназии в 1913 г. (по письмам С.Н. Шамониной к Н.Н. Платоновой)// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 2 (70). С. 161–169.

REFERENCES

1. Otdelenie cerkvi ot gosudarstva i shkoly` ot cerkvi v Sovetskoj Rossii. Oktyabr` 1917 – 1918 g. Sbornik dokumentov [Separation of church from state and school from church in Soviet Russia. October 1917 – 1918 Collection of documents]. otv. red. prot. V. Vorob`yov, otv. sost. L.B. Milyakova. Moscow: Izd-vo PSTGU, 2016. 944 p. (In Russ).
2. Zy`bkovecz V.F. Nacionalizaciya monasty`rskix imushhestv v sovetskoj Rossii (1917–1921). [Nationalization of monastic properties in Soviet Russia (1917–1921)]. Moscow: Nauka. 1975. 205 p. (In Russ).
3. Babich I.L. Sud`by` pravoslavny`x monasty`rej v sovetskoe vremya (1916–1929 gg.) [The fate of Orthodox monasteries in Soviet times (1916–1929)]. Genesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: Historical Research. 2017, no 1, pp. 133 – 146. (In Russ).
4. Biyushkina N.I., Oleksenko A.S. Organizacionno-pravovoe vozdejstvie Sovetskogo gosudarstva na Russkuyu pravoslavnyuyu cerkov` (oktyabr` 1917 – 1929gg) [Organizational and legal impact of the Soviet State on the Russian Orthodox Church

- (October 1917 – 1929)]. Genesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: Historical Research. 2015, no. 4, pp. 192 – 201. (In Russ).
5. Babich I.L. Sociokul`turny`e i politiko-pravovy`e aspekty` modernizacii monash-eskoj zhizni v nachale XIX v. (vvedenie obshhezhitel`stva kak novy`j e`tap v zhizni rossijskix monasty`rej - na primere Voznesenskoj Davidovoj pusty`ni) [Socio-cultural and political-legal aspects of the modernization of monastic life at the beginning of the nineteenth century (the introduction of the community as a new stage in the life of Russian monasteries - on the example of the Ascension of David's Desert)]. Sociodinamika = Sociodynamics. 2016, no. 1, pp. 230 – 261. (In Russ)..
 6. Mitrofanov V.V. Ol`ginskij monasty`r` i sel`skoxozyajstvennaya artel` na Vol-goverxov`e v 1920-e gg. (vstup. st. publik., komment) [The Olginsky Monastery and the agricultural artel on the Volga-Verkhovye in the 1920s (introductory article, comment)]. Shesty`e Il`inskie arxivny`e chteniya: sb. st. [Sixth Ilyinsky archival readings: sat. art.] Tver`: OOO “SFK-ofis”, 2020, pp. 80–121. (In Russ).
 7. OR RNB. F. 585. Op.2. Ch.4. D. 6098; D. 6099. [OR RNB. 585. Op. 2. Part.4. D. 6098; D. 6099]. (In Russ).
 8. Lyovushkin V.A. Opisaniye Kazanskogo Golovinskogo obshhezhitel`nogo zhenskogo monasty`rya Moskovskogo uyezda [Description of the Kazan Golovinsky cenobitic convent of the Moscow district]. Moscow: «Duxovnaya Niva». 2022. 544 p. (In Russ).
 9. Izrailev A., prot. Opisaniye Kazanskogo Golovinskogo obshhezhitel`nogo zhenskogo monasty`rya, naxodyashhegosya v Moskovskom uезде [Description of the Kazan Golovinsky Cenobitic convent, located in the Moscow district]. Moscow: tip. L. i A. Snegiryovy`x, 1889. 67 p. (In Russ).
 10. Mitrofanov V.V. «... Najdesh` li ty` v monasty`re polnoe uspokoenie svoej dushe»: perepiska N.N. Platonovoj s plemyanicej Elenoj (1908–1911 g.) [“... Will you find complete peace of mind in the monastery”: correspondence of N.N. Platonova with her niece Elena (1908-1911)]. Kul`turny`j landshaft regionov= Cultural landscape of the regions 2023, vol. 5, no. 2, pp. 56–97. (In Russ).
 11. Na perelome. Tri pokoleniya odnoj moskovskoj sem`i (semejnyaya xronika Zernovy`x) (1812–1921) [On a fracture. Three generations of one Moscow family (family chronicle of Grain) (1812-1921)], pod red. N.M. Zernova. Parizh: YMKA-PRESS. 1970. 487 p. (In Russ).
 12. Moskovskaya muzhskaya gimnaziya Z. N. Shamoninoj. Obshhestvo vspomosh-hestvovaniya vospitannikam. Ustav Obshhestva vspomoshhestvovaniya vospitannikam Chastnoj muzhskoj gimnazii Z.N. Shamoninoj [Moscow men's gymnasium Z. N. Shamonina. The Society of assistance to pupils. Charter of the Society for Assistance to pupils of the Private male Gymnasium Z.N. Shamonina]: [Utv. 11 dek. 1913 g.]. Moscow, 1914. 24 p. (In Russ).
 13. Muzej paleografii: osnovan v 1925 godu. [Museum of Paleography: founded in 1925]. Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1925. 8 p. (In Russ).

14. Mitrofanov V.V. «...u menya net nikogo bolee blizkogo, chem Vy`...»: Pis`ma P.G. Vasenko k S.F. Platonovu ["... I have no one closer than you...": Letters of P.G. Vasenko to S.F. Platonov]. Vestnik Cherepoveczkogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Cherepovets State University. 2014, no. 4 (57), pp. 61–71. (In Russ).
15. Mitrofanov V.V. Povsednevnost` uchitelya nizhegorodskoj gimnazii v nachale XX v. (po pis`mam S.N. Shamoninoj k N.N. Platonovoj) [Everyday life of a Nizhny Novgorod gymnasium teacher at the beginning of the twentieth century (according to letters from S.N. Shamonina to N.N. Platonova)]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social`ny`e nauki = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2023, no. 1 (69), pp. 247–259. (In Russ).
16. Mitrofanov V. V. Povsednevnost` uchitelya nizhegorodskoj gimnazii v 1913 g. (po pis`mam S.N. Shamoninoj k N.N. Platonovoj) [Everyday life of a teacher of the Nizhny Novgorod gymnasium in 1913 (according to letters from S.N. Shamonina to N.N. Platonova)]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social`ny`e nauki = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2023, no. 2 (70), pp. 161–169. (In Russ).

Информация об авторе: Митрофанов Виктор Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС». Российская Федерация,
199226, Санкт-Петербург, Россия, Галерный проезд, 3
ORCID iD: 0000-0003-2094-6883
e-mail: viktor-n1962@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Mitrofanov Viktor V., Doctor in History, Professor, Department of state and legal disciplines, ANO VO University at the Inter Parliamentary Assembly of the EurAsEC. Galerny proezd, 3, Saint Peetersburg, 196226. Saint Peetersburg, Russian Federation
ORCID iD: 0000-0003-2094-6883
e-mail: viktor-n1962@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript

© Митрофанов В.В. 2023

© «Культурный ландшафт регионов». 2023